

710680

ДМИТРИЙ КУЗОВЛЕВ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

ДМИТРИЙ КУЗОВЛЕВ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Записки председателя колхоза

**Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1971**

Студент факультета журналистики МГУ Дмитрий Кузовлев в 1955 году по призыву партии поехал на село, в Вологодскую область. В колхозе «Красное знамя» началась проверка нового председателя колхоза на характер, волю, знание жизни.

Испытания выдержаны. Но нельзя было бросать и учебу. В 1960 году Дмитрий Кузовлев окончил МГУ и стал журналистом. Однако Вологодчина не забывалась. О своем обещании вернуться с дипломом в колхоз напоминали товарищи по прежней работе, да и самого тянуло к земле, к селу.

И снова: «Здравствуй, Вологодчина!» С 1962 по 1969 год Дмитрий Кузовлев — председатель колхоза, теперь уже артели «Заря» Шекснинского района.

Проблемы сегодняшней деревни, судьбы земли и людей — об этом рассказ бывшего председателя колхоза, ныне первого секретаря Шекснинского райкома КПСС Дмитрия Михайловича Кузовлева.

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Вечный и почти банальный вопрос. Но его не обойти ни одному председателю. Никак не миновать! Чем глубже влезаешь в хозяйство, чем больше узнаешь его болячки, тем тревожнее, назойливее этот вопрос.

С чего начать, за что уцепиться?

Ломаешь голову ночи напролет, и никакого резона...

Встаешь поутру с головной болью. С тревогой на душе выходишь на улицу, бредешь до своей конторки: «Авось что-нибудь придумаю»... По улице снуют люди: кто на работу, кто в магазин. У каждого свое дело, своя забота. А тебя грызет все то же. С чего начинать?

Пробуешь сунуться к тому, к другому со своей докукой.

И тоже — банальные ответы.

«С земли надо начинать. Она — матушка-кормилица! Начнешь ее любить-кормить, непременно тебя отблагодарит».

Другие больше уповают на животноводство: «В нем вся опора».

Что против всего этого возразишь?

Есть и третья прописная истина: надо начинать с заботы о людях.

Ох, как точно и верно! И современно... Только от голой заботы никому лучше не бывает. Пустобрехом назовут. Нет, обещалкинным быть не хочется.

...С такими вот «крючками» в голове я и отправился с секретарю Череповецкого райкома А. И. Шляпкину. Он предупреждал меня заранее: «Приглядишься пока к хозяйству, а потом подумаем вместе, что делать».

— Ну, и как решил, с чего начинать надумал?

— С земли, наверно.

— Верно, с земли надо начинать. Только это понятие слишком объемно. У вас там торфа вокруг... Надо заготавливать, компостировать...

— А чего ж до меня председатели, специалисты не додумались разве?

— Думали, да силенок не хватало.

— Ну так и со мною немного их прибавилось в колхозе.

Шляпкин понимает это по-своему:

— Рассчитываешь на помощь?

— Нет, особицу не требую. Все нуждаются в помощи.

— Верно.

Молча закуриваем.

— М-да. Значит, на первом плане не земля?

— Кто ее знает...

— Тогда нажимай на животноводство. У вас в «Заре» племенная работа угасла. А раньше, например, в Едоме рекорды ставили. Лебедев там возился. А теперь стих. Ты на это обрати внимание.

— Хорошо. Только без подъема в земледелии и животноводство не поднять.

Веселый блеск в глазах Александра Ивановича.

Ага, значит, доходит...

— Но в наших условиях без развитого животноводства от земли хороших урожаев тоже нечего ждать.

Секретарь райкома долго, испытующе смотрит на меня.

— Постой, постой... Что ж, по-твоему, выходит?

— Круг выходит. Заколдованный.

Шляпкин с укором поглядывает в мою сторону; откинувшись в кресле, постукивает пальцами единственной руки по кромке стола. Вторая—осталась на фронте.

— И эти мысли ты вез из Москвы?

— Нет, частично здесь приобрел.

На этом и закончилась наша программная беседа.

На прощание Александр Иванович посоветовал еще подумать.

Так с чего ж мне начинать?..

Пролетела зима. На смену трескучим морозам выкатилось яркое, ласковое весеннее солнышко.

С пригорков побежали ручьи. У нас, правда, мало их, все больше равнины да низины. Но и на равнине снег не устоял, теплые лучи подточили толстый снежный наст, двинули воды.

Забурлило, зашумело все вокруг, загомонило!

Нужно скорее готовиться к севу. Постепенно вхожу в роль: от меня все настойчивее требуют запасных частей, кормов на распутицу, кондиционных семян, планы на посевную, списки звеньев...

В конце марта собрали совместное заседание парткома и правления колхоза. Слушался мой доклад:

— Товарищи! Хотя и поздновато немного беремся, но надо переводить бригады на хозрасчет. Поездил я по колхозу, пригляделся, вижу, без хозрасчета нам не двинуться вперед. Посмотрите, как мы используем хотя бы технику?

У нас три тракторные бригады, а полеводческих — четырнадцать. Каждая бригада старается подольше задержать у себя трактор, лишь бы для себя побольше сделать. А на соседа — плевать. Постоянные ссоры из-за тракторов. Надо всю технику передать в полеводческие бригады, чтобы бригадир командовал ею.

Но машин еще немного. Дать по одному-два трактора — ничего не выйдет. У нас ДТ всего девять, по одному не достанется. И выходит, что надо не только переходить на хозрасчет, но и укрупнять бригады. Одно цепляется за другое: чтобы правильно, разумно вести хозяйство, нужен хозрасчет, но хозрасчет тогда будет эффективным, когда бригада имеет целый комплекс необходимых машин. А их еще мало для четырнадцати бригад. Поэтому надо сделать из четырнадцати, скажем, шесть-семь бригад, придерживаясь сложившихся границ старых колхозов. В каждой бригаде будет по 3—4 трактора — и гусеничные, и колесные. У нас семь комбайнов, девять автомашин. Это будет уже комплекс. Не богатый, правда, но все-таки...

Будем пока исходить из реальных возможностей, а там видно будет, чего еще сможем купить.

— Правильно, хозрасчет нужен,—поддерживает с места бригадир покровской бригады Дрогалов Василий Иванович.—Но вот объединения-разъединения—они колхозникам надоели! Как кость в горле! Смеются теперь над этим.

— Василий Иванович,—доказываю я,—объединения-разъединения колхозов—одно дело, а объединения бригад—другое. Оно не связано с дележкой угодий, имущества, скота и прочего. Это наше внутреннее дело. Надо тут правильно понять цели и задачи.

— Да я не против,—сдается Дрогалов.

— А по мне, все это пустое,—категорически заявляет бригадир тракторной бригады Денисов.—Это тебя, председатель, полеводы настрекали. Им давно хочется забрать к себе технику.

— А вы что, Михаил Ефремович, против того, чтобы полеводческим бригадам дать технику в руки?

— Против. Распорядиться ею они не смогут.

— А мы вот возьмем и вас поставим во главе укрупненной бригады и назовем ее комплексной.

— Не пойду я ни за что.

— Что же так?

— А так, хлопот меньше. Каждому свое. Я, например, больше по технике... А коровы, лошади, прочие там телята — они мне не по душе. Мне и дома эта скотина не нравится.

Меня так и подмывает отчитать этого сугубо «техничного» руководителя:

— Вот вам еще одно доказательство, что необходим хозрасчет. Нужно отдать технику в руки тех, кому придется думать и о пашнях, и о сенокосе, и о животноводческих фермах. А то у нас пока еще два хозяина на земле: полеводческая бригада и тракторная, руководителям которой подчас не любы коровы и «прочие там телята».

Денисов больше не спорит.

— Ну, а как с лесами поступим?

Этот вопрос больше всего демидовских товарищей интересует. У них—лесная сторона.

Я поглядываю на пачевских. Эти безлесные.

— Нет, леса не станем закреплять за бригадами, они будут общими. Но надо назначить хороших лесников, чтобы следили за порядком.

«Все равно плохо!—кричат лесовики.

Но большинство присутствующих соглашается с предложением не делить леса. Весь центр колхоза безлесный, а окраинные деревни имеют леса. Центр—это большинство, и оно побеждает...

Май выдался дождливый, холодный. Весь месяц не слезали с коней. Я за три года перерыва в председательской работе отвык от лошади. Пришлось снова привыкать к седлу.

Кукуруза задала нам заботки. Сначала пробовали сеять ее квадратно-гнездовым способом. Механики, бригады, а пуще всего Алеша-агроном бегали с «мерной проволокой». Но проволока эта часто рвалась. Привозили новые катушки, чинили, связывали. И, наконец, бросили всю эту кутерьму. Пустили в ход обыкновенные зерновые сеялки. Получались уже не квадраты, а разреженные рядовые посевы...

Представители района ходили по пятам, долго не соглашались на отмену квадратов. Но видели, что проволока рвалась, знали, что сроки уходят, предчувствовали встряску и в сердцах соглашались: «А, была не была, сейте!»

К концу сева в колхозе стало совсем как-то тихо—ни представителей, ни шумных совещаний в конторе, ни одиночных стычек в поле из-за клеверов. Кое-кто из района начал догадываться о хитростях Алеши-агронома. Он сперва в точности исполнял указание о распахке клеверов, но с половины сева, когда захолодовало, круто поставил вопрос передо мной:

— Лучшие земли кукурузе я отдал, пусть страдают лен, пшеница. Но клевера распахивать больше не дам!

Пришлось уступить ему.

...Езжу, осматриваю посевы, и в первую очередь кукурузные плантации. Всходы дружные, но—холод... Растеньица быстро начинают желтеть. Беда!

Потом всех нас созвали в район. Настал сенокосный период. В. А. Стрешнев—начальник производственного управления—посоветовал кукурузу «всю засиловать».

— А если она не выросла?

— Все равно засиловать.—И тут же добавил:—Площади-то надо куда-то определять, не висеть же им в воздухе?

— Но это же очковтирательство?!

Посоветовал «не умничать»...

«Кукурузу засиловать!» А спросил, кто будет возмещать убытки, которые колхоз понес на каждом гектаре—по 24 рубля 45 копеек только от посадки кукурузы, еще лучший ответ получил: «По стране много таких убытков, всех не оплатишь».—«Ну хорошо,—мысленно продолжаю спорить с начальством,—в следующий раз на кукурузе не проведете».

* * *

Строить Дом культуры вышли все пачевские. Им помогали жители окрестных деревень. Правление колхоза заключило договор с межколхозной строительной организацией. Проект взяли в исполкоме райсовета. Было предложено много вариантов, но Пача выбрала самый лучший.

— Дороговато,—ворчал Никита Данилович, рассматривая не сам проект, а рисунок на обложке альбома.—Все равно молодежь этим не удержать.

...Но когда устраивались воскресники, чтобы собрать и подвести бутовый камень или расчистить строительную площадку, председатель ревизионной комиссии всегда присоединялся к молодежи.

— Эк, шельмецы. Балует вас председатель.

На воскресники Цветкова обычно не приглашали. Никита Данилович—хромой, одна нога его вовсе не гнется. Да и возраст не тот, чтобы тяжелую работу делать.

Цветков знает все это, но сперва обидится для порядка, с полчаса выглядывает из окна конторы, пока все не примутся за работу, а потом, глядишь, заковылял...

— Чего уж так-то, аль негодным считаете?

— Да, нет, Данилыч, в суматохе позабыли...

Закладка фундамента вылилась в праздник. Школьники пришли на площадку строем, со своим пионерским знаменем. Они принесли какую-то бутылку с «записью» и положили в правый угол траншеи. Бетонщики тут же замуровали ее.

Молодежь, мужики и бабы подтаскивали камень, пе-

сок, подвозили воду. Старики, старухи стояли поодаль, картинно подбоченясь, судачили.

— И-их, жизнь пошла! Будто церковь закладываем.

Бутового камня навозили с реки столько, что тут же было решено излишки употребить на мостовую.

— А что, идея?

Дорога в Паче была когда-то сухая, с хорошим травяным покровом. Теперь же машины и тракторы разбивали ее так, что весной и осенью она превращалась в сплошное глинистое месиво. Вот мы и решили оканавить дорогу, навозить песку и выстелить ее камнем. Понимали, что работа эта немалая, но энтузиазм в людях не хотелось гасить: не одолеем за год — сделаем за два.

Отыскались три старичка инвалида, мастера дорожно-го дела. Когда-то они строили такие «каменухи». Привезли, показали работу.

— Сможете, деды?

— Не боги горшки обжигают. Сможем. — Закипела и тут работа.

Незадолго до этого колхоз купил экскаватор «Беларусь». Сперва не знали, где его применить. Механизатор Виктор Васильевич Вихарев предложил:

— Дайте мне его, будем стройке помогать.

Пришлось создать маленькое звено: экскаватор, два автосамосвала и трактор с самосвальной тележкой. Теперь звено Вихарева полностью обеспечивало песком и дорожников, и строителей Дома культуры. Кроме того, подвозило строительные материалы, убирало лишний грунт, выполняло другие транспортные работы.

Строить—значит жить. Жить не последним днем, а завтрашним. Ничто так не удручает, как строительное затишье на селе. Если в какой-то деревне за год не построено ни одного сарайчика, ни одной баньки, не перекрыта дранкой или чем-либо ни одна крыша на жилом доме—значит, худы ее дела. Умирает деревня.

И наоборот, какое радостное оживление начинается, когда в деревне строятся два-три новых дома, а за оклицей возводится большой скотный двор или сушилка; когда под окнами старых, приземистых домов уже сложены штабеля свежих бревен, а рядом, в переулке, бегают рассыпанные смолистые щепки или краснеет груда кирпича для будущей печки! Душа радуется!

Но чтобы создать эту радость на селе, правление колхоза и сельский Совет должны проявить заботу. Ничто само собой не приходит!

Установите своим «местным» законом—в какое время года плотничьи бригады должны строить только жилые дома колхозников, на что отпускать лес за деньги, а на какие цели бесплатно, какую ссуду может взять колхозник в кассе и как ее потом погашать, какой трудовой минимум определить мужику на тот год, когда он надумает строиться,—и вы почувствуете, как строительные дела на селе заметно оживут.

И председатель не должен ждать, когда дом у хозяина совсем повалится. Зайди, дай совет, подскажи:

— Чего же ты, Иван, оплошал? Неужто хуже других? Или денег не хватает?

Он тебе, может быть, и ответит:

— Да где им, деньжатам, быть. Вишь, орава на печи. А ты не отступайся:

— Орава—это твой резерв. Надо строиться, колхоз поможет.

Глядишь, Иван и отважился. Начал он возить камни под углы—опять подоспей. Остановись, побеседуй:

— Не то делаешь, Иван. На камни теперь никто дома не ставит. Приходи в контору, цементу выпишу.

Колхозник имеет законное право требовать, чтобы председатель не был посторонним и в этих делах: «Ты от меня люто работу требуешь, значит, и мою беду поправляй».

И верно. Поправляй, председатель...

Случится пожар, народ тушить бежит, а председатель спешит к убитому горем колхознику: «Не тужи, брат. Посмотри, какая сила вокруг. Не оставим в беде».

Срочно созывай правление, приглашай погорельца и на миру решай, как ему помочь.

Мир—сила! И мужик-погорелец в такое время особенно хорошо усваивает, что колхоз—это действительно сила!

Вопросы колхозного строительства имеют и свои темные стороны, свои противоречия. Вот переведены бригады на хозрасчет. Живут при нем уже не первый год, поняли, «почем фунт изюма». Бригадир теперь хорошо представляет: стройка—это, конечно, перспектива на

будущее, но сегодня она отвлекает силы от полевых работ, животноводства. Ведь плотники льна не вырастят, сена не накосят. И, конечно, когда строишься, доход в бригаде может стать ниже. Вот он и думает: «А не повременить ли стройкой?»

Другая сторона проблемы. Тут уж экономисты должны соображать. Строилась, к примеру, бригада—значит, больше затрат произвела. В конечном расчете все затраты сводятся в одну строку — оборотные и капитальные. Чем больше всех этих затрат — тем меньше средств остается для распределения на оплату труда. Гарантированная оплата труда, конечно, хорошо, а доплата и гарантии еще лучше.

Все это колхозный бригадир хорошо знает. Он теперь тоже ученый. Поэтому председатель должен все эти «противоречия» вовремя рассудить, ввести в такие рамки, чтобы они не мешали строиться.

В методику хозрасчета мы ввели такое правило: все бригады отчисляют в неделимый фонд 20 процентов от дохода. Не израсходовал свою долю — остатки не трожь, пусть их другая бригада осваивает.

Но вот бригада начала строить или занялась механизацией фермы, и ей потребовалось средств в два раза больше, чем она отчислила. Правление колхоза «додаст» из особого фонда. Так что «перерасход» по капитальным вложениям не отражается на фонде зарплаты колхозников. Зато они знают, что в будущем это повлечет за собой рост производства, а следовательно, и увеличение доходов.

Экономика должна быть очень чуткой ко всяким жизненным ветрам: полезным помогать, вредным ставить заслон.

За последние годы стала модной и такая крикливая тенденция: «Не важен план поголовья, важна продуктивность».

Спору нет. Лучше от 100 коров получить 300 тонн молока, чем держать для этого 150. Дешевле.

Но иногда под этим предлогом неразумные бригадиры (да и председатели) просто ищут лазейку: сперва перевыполнить план продажи мяса (искусственно поднять доход), а потом найти оправдание, почему 100 коров не заменили 150,

Наша «метода» закрывает и эту лазейку. Мы иногда разрешаем такой эксперимент, но деньги, вырученные от продажи «планового» скота, в доход не засчитываем. Увеличишь продуктивность—тогда пожалуйста. А нет—покупай снова коров, благо деньги еще не израсходованы.

Председателю колхоза надо быть и агрономом, и зоотехником, и прорабом. Но экономистом, социологом и организатором он должен быть в первую голову!

* * *

Сергея Егоровича Алексеева прислали к нам в 1965 году, после первой посевной в новом (Шекснинском) районе, в разгар сенокоса. Парень молодой, только что окончил совпартшколу. И родом не из дальних — из колхоза «Угла», что по соседству с «Шексной».

Красивы места угольские! Все склоны да перевалы, и лесочек на каждом взгорке. Родники живые бьют. Угловские мужики пропускают их по деревянным лоточкам, прямо с горки да во дворы. Не надо никакого водопровода, вода и зимой не замерзает.

Боялись, загорюет у нас на низинных землях Сергей Егорович. А он — нет, ничего, быстро прижился: живет да наши места похваливает. Мы ему и дом поскорее соорудили, чтобы семью сюда перевез. Приехала его молодка Нина, детей начала рожать нашему парторгу. Значит, корни пускают Алексеевы.

Сергей Егорович с виду тихий, застенчивый, но не робкий, как может показаться на первый взгляд. Мне почему-то он таким сначала и показался.

Помню, ездим по колхозу день, два, новый парторг задаст несущественный вопрос, и опять долго едем молча.

«Эка,—берет досада,—какого тихоню прислали».

А он—нет, приглядывается не торопясь к колхозу, о делах соображает. Кончили объезд, Алексеев говорит:

— Чего-то с силосным звеном ничего не получается у нас. Не будешь против, я за него возьмусь?

Про себя подумал: «Ну и влетит мне за такое использование комиссара», а вслух произношу:

— Валяй.

Сергей Егорович, в прошлом механизатор, забрал на базе свободный самосвал и укатил в звено,

Легко отпустить сразу, не подумавши. А потом начнут одолевать разные тревожные мысли—беда.

«А вдруг завалится? Сумеет ли подойти к ребятам?» Ведь про наших людей недаром говорят на стороне: «Пачевские—мужики хвачевские». И поехать поглядеть—тоже как-то неловко: «Вот, подумает, не доверяет, приехал опекать».

Решаю дня три не ездить в звено. И правильно сделал. Сергей Егорович сумел сам войти в дела, незаметно, но надежно расположить к себе ребят.

— Стоящий парень,—сообщил мне «по секрету» тракторист Сергей Милославов.—Принимаем во свои.

Правда, словам Милославова я тогда не очень-то придавал значение. Этот молодой механизатор всего второй год работал на тракторе. В прошлом году поставили на льномолотилку—подвел всю бригаду. То у него трактор барахлил, то с колотушкой не клеилось... Одним словом, здорово ругались колхозники. И у меня о Милославове создалось определенное мнение—никчемный механизатор.

Заново открыл Милославова Сергей Егорович.

— Слушай,—заявляет однажды парторг вполне категорично,—ты напрасно такого мнения о нем. Милославов замечательный парень. Ему можно любое звено доверить.

И парторг оказался прав. Не прошло и года, как талант в Сергее Милославове действительно объявился. Милославов брался теперь за любое дело и добивался неизменного успеха. К его словам стали прислушиваться даже старые механизаторы, а вчерашние выпускники считали за счастье попасть на практику к Сергею Милославова.

Главное, опыта не прячет, а щедро делится с желторотыми механизаторами, нянчится с ними, словно отец с ребятами.

На следующий год мы решили создать не одно, а три силосных звена. Правда, техники не хватало, бригадиры, механики на нашу затею поглядывали косо.

— Вот заберете всю технику в звенья, а нам что останется?

Приходилось теперь силосным звеньям, кроме основной, давать дополнительную нагрузку—окучивать кар-

тофель, проводить химическую прополку льна. Все это, конечно, мешало звеньям по-настоящему развернуться на силосе, вносило нервность в работу. Некоторые механизаторы теряли веру в успех дела, опасались, что полетят заработки.

Естественно, появилось много противников звеньевой системы. Большого труда стоило сдерживать атаки бригадиров. Механики начали склоняться на их сторону. Но парторг был неумолим:

— Нет, только звенья!

Я хорошо понимал, что отстаять идею—это расчитать дорогу для будущего. Но в то же время видел, как нехватка техники затягивает полевые работы. Кроме того, в какой-то мере снималась ответственность с бригадиров за важный период работ — ухода за урожаем.

— Вы же забрали все колесники, а без них что мы поделаем?—отвечали обычно бригадиры.

Посоветовался с Сергеем Егоровичем.

— Не хочу, парторг, ломать твою идею насчет звеньев, но ведь на самом деле положение в бригадах тревожное. Как бы бригадиры не запорол нам нынче лен и пропашные культуры.

Алексеев удручен, это сразу видно по его лицу. Жаль ему звенья.

— Ну, ладно. Не будем трогать. Давай временно снимем дорожный отряд Вихарева, все самосвалы бросим на силос, а из звеньев возьмем часть колесных тракторов.

— Идет,—обрадовался парторг,—но только... дороги тоже у нас плохие.

— Ничего, ничего. Много маялись, еще год потерпим. А силос, лен нужны каждый год, без них и дороги нам будут ни к чему.

Но и после этого звенья оставались орешком, который предстояло раскусить. Я чаще стал наведываться к Алексею Ивановичу Зародову, механику центрального участка. Этот человек — барометр. С выводами не торопится, долго взвешивает обстоятельства; смотришь на него иногда и негодуешь: «Вот ведь тугодум! И чего трет-мнет, когда дело ясное?» Но Зародов никогда не спешит. Он тысячу раз отмерит, проверит, пока не убедится, что «дело верное».

Как-то рано утром проезжаю мимо базы. Никого из трактористов еще нет, а Зародов—тут, копается с роторной косилкой.

— Труд на пользу.

Алексей Иванович поднял голову и скупно улыбнулся. Это верный знак того, что Зародова застали за таким делом, которое он не хотел бы оказывать на людях.

— Для звена стараешься, Алексей Иванович?

— Приходится.

Он раздумывает еще несколько минут, не прекращая своего занятия, а потом решается заговорить.

— Дела у них не шибко хороши. Бригадир отвел самое неподходящее поле, машины часто ломаются.

— Так, так... Ну, а ты-то как думаешь?

— Это о звеньях, что ли?

— Да.

— Сергея бы Егоровича к ним. А то ребята чего-то хандрят.

— Нет, Зародов, Сергея Егоровича сам проси, я ему не начальник.

— Не поняли вы меня. Я хотел, чтобы съездил к ребятам, вдохновил. Ему они поверят.

— А! К родоначальнику обратиться?

— Вот, вот.

Я понял, что звенья теперь пошли, приживутся у нас. Уж если Зародов забеспокоился — дело верное. Поднимать дух у ребят мы отправились в тот день втроем.

Как потом оказалось, звенья в нашем колхозе оправдали себя. В конце года подсчитали: себестоимость тонны «ручного» силоса была 17 рублей 40 копеек, а в звеньях он обошелся в 3 рубля 30 копеек.

Молодец парторг, знал, за что ратовал!

ПРОГРАММА ТАКАЯ

— Так вот, мужики! Программа будет такая...

При слове «программа» колхозники, бригадиры и специалисты не настораживаются, не бросают удивленных

взглядов на говорящего. Повестка дня выработывалась долго, многое обговаривалось заранее.

— В отношении молодежи давайте внесем такую поправку в наш устав: «Сельхозартель «Заря» гарантирует молодежи право после окончания учебы в школе брать себе любую профессию как сельскохозяйственную, так и несельскохозяйственную.

Одновременно правление колхоза обязуется ежегодно организовывать курсы механизаторов, подбирая для этого подростков, окончивших не менее 8 классов. Дни учебы на курсах оплачиваются по установленному заранее тарифу.

Наиболее способных юношей и девушек направлять в качестве колхозных стипендиатов в техникумы и институты, установив им стипендию на 50 процентов выше государственной.

Широко использовать и метод ученичества. Установить, что если опытный тракторист, комбайнер, кузнец, доярка обучит в течение шести месяцев юношу или девушку, в том числе своего сына или дочь, а последние сдадут экзамены квалификационной комиссии и получат права,—выплачивать обучающему от 40 до 60 рублей.

Если молодой колхозник, пройдя ученичество и получив профессию, все же не пожелает оставаться в колхозе, он должен отработать один-два года, после чего беспрепятственно получает необходимые документы и уезжает куда угодно».

— Как мыслите, товарищи, подойдет эта «программа» в нашей обстановке?

Члены правления возбуждены. Одни соглашаются: «Подойдет!» — другие сомневаются: «А выйдет ли что путного?»

С полчаса шумели. Наконец все согласились — «надо попробовать».

В перерыве я отыскал Сергея Егоровича, утащил его вниз, в кабинет агрономов.

— Давай здесь посидим, покурим.

Мне хотелось узнать его мнение, хотя обо всем, кажется, тысячу раз переговорили и в кабинетах и за длинные поездки по колхозу. Но сейчас, когда вопрос вынесен на обсуждение актива, когда видишь, как на него реагируют люди, обмениваться впечатлениями нелишне.

— Валяй, жми до конца. Не сразу переваривается, но чувствуешь, усваивают люди, начинают понимать, что к чему.

Перерыв кончился.

— А теперь давайте обсудим вторую часть нашей программы. Она более обширная по своему размаху и целям. Речь пойдет о строительстве вообще, о сселении малых деревень и о том, как нам жить дальше.

В колхозе 33 деревни. От самой южной до крайней на севере более 20 километров. Связь между деревнями слабая, большая часть года—бездорожье. Разве молодежь удержат в отдаленных, глухих деревнях, где нет ни клуба, ни библиотеки, ни магазина, ни детских яслей? Старикам, может быть, такое «природы раздолье» и по душе, а молодежи это мало подходит. Надо сселять мелкие деревни...

— Верно, верно,—раздаются голоса с мест.

— Это требуется не только для того, чтобы удержать молодежь в колхозе, а и с чисто производственных позиций. Старые, мелкие дворы не механизировать, нужно строить новые, типовые; нынешние сушилки, кладовые, примитивные мастерские и кузницы никак не отвечают требованиям времени. Но мы их строим, перестраиваем опять же на старый лад. А надо коренным образом перестроить все наше хозяйство.

О сселении мелких деревень речь давно ведется. Но воз и ныне там. Почему? Видно, не с того конца за дело беремся. Нет четкой программы, только споры идут: кто к кому должен переезжать.

Мы изучили эту проблему досконально, заранее обсудили с активом. Были консультации с районным архитектором, с другими специалистами. И вот что выходит, мужики. Наиболее перспективными оказались 7 деревень, еще 4 близко примыкают к ним и со временем сольются в одно целое. Вокруг этих деревень расположены наиболее крупные фермы... Так получилось, что в них находятся почти все школы, клубы, магазины, медицинские учреждения нашего колхоза.

Таким образом, из 33 деревень предлагаем оставить 11. Вот они: Едома, Добрец, Пача, Шайма, Кичино, Соболино, Старое Село, Горка, Покровское, Бирючево, Демидово.

В первую очередь надо выделить пять бригадных центров и Центральную колхозную усадьбу.

Их предстоит комплексно застроить за 7—10 лет.

Чтобы вы могли лучше представить себе, каким будет наш колхоз лет через 10—15, давайте посмотрим плану бригадного центра—Старого Села и нашей Центральной усадьбы.

Экономист Нина Бобкова быстро приколотла к стене два ватманных листа.

— Посмотрите, первый лист — план Старого Села. Здесь нанесены дороги, мосты, пруды, ручьи. Зеленые квадратики—это существующие дома и хозяйственные постройки. Красным изображено то, что предстоит построить, 22 дома мы построим на старых пустырях, где когда-то жили люди. Кстати, не худо бы во всех деревнях подсчитать эти пустыри, узпаты, скольких хозяйств лишилась деревня. Это ведь жизнь, история наша.

Далее идет новая линия домов, назовем эту улицу условно Ново-Сельской. Здесь пока намечено 28 домов, но в перспективе может быть и больше. В стороне от села, на западном склоне, размещается животноводческий городок, куда потом переселятся фермы из деревень Шапкино, Горки, Калинкино, Полежайки. Здесь коровник кирпичный на 200 голов, два телятника, подсобные помещения. Территория будет обнесена забором, озеленена. На северной стороне по ручью создаются пруд, зеленая зона, ниже—общественная баня.

Возле школы закладывается фруктовый сад, здесь же неподалеку разместится детский городок. Все улицы озеленяются, прокладывается водопровод, кружочками помечено 8 колонок. В северо-западной части размещаются все хозяйственные постройки: зерноток, мастерская, навесы, кузница, мельница, здесь же будет второй водоем. Клуб в Старом Селе новый, нужно только благоустроить территорию вокруг него, помещение магазина надо капитально отремонтировать и пристроить столовую. Дорожному отряду Вихарева предстоит первоначально спланировать территорию, сделать дороги, посыпать их гравцем, раскорчевать пустыри.

Вся эта работа по перестройке бригадного центра и его благоустройству обойдется колхозу в 350—400 тысяч рублей.

— Ого!—раздаются голоса.

— Не волнуйтесь, товарищи. Денег у нас хватит.

А теперь рассмотрим второй лист. Это наша Центральная усадьба. Пача в скором времени должна слиться с Шаймой. Это всем ясно. Вот старая улица Пачи. Здесь уже нет пустырей, все застроены.

Южный склон пересекает новая улица—Юбилейная, так пожелали ее назвать первые новоселы. Здесь уже построены детский сад и шесть домов. Дальше на восток будет еще около двадцати домов, а на запад, сразу же за Домом культуры и строящейся школой, пойдут двухэтажные двенадцатиквартирные дома, котельная. Ниже по склону, за школой, построим спортгородок и стадион, а за ним будет зеленая зона, пруд. Далее, на железнодорожной остановке, где сейчас деревянная платформа, скоро начнем строить вокзал. Документация есть, договор заключен.

— И тоже на наши деньги?

— На наши. Другими источниками колхоз не располагает.

...На северном склоне размещается центральная ферма. К существующим трем дворам здесь будет поставлен кирпичный коровник на 200 голов. Пилорама со старого места убирается, и будет построен восточнее от ферм новый лесосех. А за ним разместится база механизации: мастерская, гараж, склад, бетонные площадки для прицепных машин.

В следующем году начнем прокладывать по улицам водопровод, документация тоже изготовлена, договор со строителями заключен.

В районе новой школы, рядом со стадионом, построим двухэтажный универмаг. В первом этаже разместим комбинат бытового обслуживания, у которого будут свои филиалы в бригадных центрах. Как только закончим строительство мостовой в Паче, начнем благоустраивать центральную площадь, забетонируем ее, украсим. Продолжим работы по благоустройству парка Победы, расширим его границы, куда войдет и территория школьного сада. В парк перенесем памятник погибшим воинам-землякам.

В Паче и некоторых ближайших деревнях скоро по-

явится газ. Работа эта уже ведется, плиты, баллоны закуплены.

Чтобы отстроить Центральную усадьбу, потребуется не менее 900 тысяч рублей. А вернее, завязывай и весь миллион.

— Ого!—еще раз вздохнули мужики.—А не загнул ли ты, председатель?

— Нет. Сейчас разогну...

Чтобы отстроить все шесть бригадных центров, потребуется свыше трех с половиной миллионов рублей. В год, если разделить на 10 лет, надо будет освоить 350 тысяч рублей. Не страшно. Доход наш теперь полтора миллиона с хвостиком, но стоять на месте мы не будем, года через два-три доведем его до двух миллионов. Уже сейчас колхоз может отпустить на строительство не менее 20 процентов годового дохода. Не в деньгах главная трудность. Потребуется много рабочей силы, а про стройматериалы и подумать страшно. Но, как говорится, глазам всегда страшно, а руки потихоньку делают...

Вопрос переселения надо колхозу взять в свои руки. Одни колхозники могут построить сами, другим это не под силу, нужна помощь артели. Все это учесть, предусмотреть заранее.

Давайте создадим переселенческую комиссию, которая будет определять в каждом случае все затраты колхозников, связанные с переселением. Определим заранее, что от 20 до 40 процентов этих затрат колхоз берет на себя. Транспортные перевозки идут целиком за счет колхоза. Остальные средства, если переселенец их не имеет, колхоз будет оформлять как ссуду, которую он должен погасить в течение 5—10 лет.

Еще одно дело можно предусмотреть. У нас в Демидове построена колесная мастерская. Станков там всяких много, половину времени они не загружены. Предлагаю построить там еще столярную мастерскую, сделать пристройку и изготавливать рамы, двери, косяки. При перевозке старых домов все эти детали и конструкции вот как понадобятся.

— Дело, пожалуй!

— И последнее, о чем мы должны нынче договориться. У нас уже построено более десятка коммунальных домов. В дальнейшем такое строительство за счет

колхоза будет расширяться. Давайте установим сразу—квартплату с жильцов в коммунальных домах не брать. Эти дома в первую очередь будем давать специалистам и молодежи, то есть молодежи, остающейся в колхозе, возвратившейся из армии или приехавшей из города. И не станем делить: будут ли все они трудиться непосредственно в колхозе, или в магазине торговать, или на почте работать. Все равно они живут и трудятся у нас, на селе.

ШТУРМ

Осень шестьдесят восьмого года выдалась короткой. Рано подули холодные северные ветры, наскоро, но хлестко отдождило, а потом повалил снег...

Думали, что пугает нас осенняя непогода: мол, потопрапливайтесь, хозяева! А она и впрямь разверзлась: свалилась бедой на наши головы—на две недели сократила сезон уборки. А он у нас, на севере, и без того короткий...

Так случилось и в шестьдесят втором. Теперь хоть снова берись за косы — машинам, тракторам по грязи не пройти. Но тогда в колхозе было больше рабочих рук. А нынче этих рук поубавилось. Правда, техники стало много. Но что с ней поделаешь в такую слякоть? Стоит, сердешная, тоску только нагоняет.

А дел у полеводов осталось еще немало—надо было с пятисот гектаров поднять лен, убрать картофель, кормовую брюкву. У механизаторов тоже неуправка—не скошены яровые в Мурашках. Ячмень и овес на осушенных землях вымахали в рост человеческий, но ранние холода задержали их созревание.

Что делать?

Незадолго до случившегося ненастья побывал у нас первый секретарь обкома партии А. С. Дрыгин.

— Хорошие хлеба,—порадовался Анатолий Семенович.—Но, смотри, хозяин, сроки уходят. Убирать надо, не жди погоды,

Действительно, тянуть дальше уже некуда. Пришлось не ждать полного созревания яровых, решили скосить на силос. Срочно отрядили звено Милославова. Механизаторы поставили колесные трактора на полугусеничный ход, приспособили роторные косилки—начали силосование. Сергей Милославов притащил из дальней бригады два списанных зерновых комбайна.

— Зачем они тебе?

— Оборудуем, будем косить недозревшие хлеба. Пустим за комбайнами копновозы—легче будет забирать массу в бурты.

— Задумка дельная. Давай, Милославов, пробуй.

Сергей Егорович Алексеев, парторг наш, собрал партийно-хозяйственный актив. Приняли самое короткое постановление: «Коммунисты, все, как один, в поле!»

Бригадирам, механикам, агрономам дали наказ весь день находиться в поле, среди людей, а около комбайнов—и ночью. Контору колхоза, сельский Совет, другие наши учреждения закрыли—всех отправили на уборку картофеля.

Звено Милославова в непогоду, слякоть убрало на силос более пятидесяти гектаров ячменя и овса. Но дальше дело не пошло. Поля раскисли, техника окончательно стала. Звеньевой почернел, зарос щетиной, охрпел от ругани, но, как ни бился, пришлось отступить.

Ну что ж, и на том спасибо...

Теперь надо было спасти лен. Женщины из-под снежной хляби выскребали тресту, мужчины вытряхивали снег из бабок, крутили вязанки.

Нет, сыро. Сгниет лен.

Отступились.

Ударил морозец. Поднялась нудная поземка. Легким блестящим покрывалом подернулись поля и луга. Скрылся под снегом наш ленок.

Жутко на душе!

Вот тебе и миллион восемьсот, которые планировали получить в этом году. На-ка, выкуси! Под снегом, посчитай, остались четыреста тысяч...

Эх, жизнь наша крестьянская!

Все! Уйду в город... К чертовой бабушке — куда угодно, но такого больше не выдержать!

Как все-таки жизнь несправедлива к крестьянской

судьбе! Зиму, всю весну, лето целое бились, носились по полям, словно очумелые. Радовались хорошим видам па урожай. Накупили техники. Все рассчитали, приготовились убрать богатый хлебушко.

И вот какой-то небесный балбес всю «обедню» испортил...

...Но вдруг с пятого ноября взялась оттепель. Всю ночь дождь лил, а шестого — «мороз и солнце — день чудесный»... Нет, есть все-таки бог на небе. Партийный, видать.

— По коням, ребята!

Начались горячие депечки. В городе четыре выходных подряд. Радио льет бравурную музыку, а наш колхозный радиоузел чуть ли не каждый час повторяет решение штаба: «Всем в поле, на лен!» Для мужичи особое разъяснение, правда, не по радио: «К бутылке не прикасаться».

Пошла в бой «Заря».

Колхозники, учителя, школьники, пенсионеры — все стали в строй. И городские, приехавшие было погостить па праздники, тоже включились в дело. Тронула, взяла их за душу забота крестьянская. Порядок в союзе рабочих и крестьян!

И вот результат: за четыре дня спасли весь лен. А потом взяли косы и навалились всем миром на яровые. Со снежком, с веселым звоном кос о мерзлую землю свалили недозрелый овес. Авось сойдет на корм скоту.

Так завершили хозяйственный год.

ДУМАТЬ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, НАДО...

— Ты вот что, Сергей. Собрал бы, что ли, партком. Специалистов позови. Подведем итоги штурма. Давай обсудим, чтобы погода впредь не заставляла нас врасплох.

— А я думал, что сам сообразишь, председатель. Ведь это, скорее, по твоей линии.

— По моей? Нет, брат, это не одного правления касается. Всем подумать надо.

У нас с секретарем парткома часто так бывает. Хорошо, что до обид не доходит. Если он первый подаст какую идею, меня это немножко кольнет, но я стараюсь сдержаться, не подать виду. А когда за мной инициатива, вижу, как хмурится Сергей Егорович, но тоже крепится, фасон держит.

— Вот посмотри, что у меня получается в расчетах.

Парторг видит, что у председателя не блажь, а мысль дельная заимелась, тут же характер в сторону. Вот и сейчас Сергей пододвигается ближе, внимательно слушает.

— Понимаешь, в колхозе у нас десять комбайнов, при нужде и больше можем послать в поле. В погожие дни каждый из них может дать по пятнадцать бункеров? Может.

— Ну, положим, и по восемнадцать дадут. Сам был комбайнером, знаю.

— Ладно, клади по пятнадцать. В одном бункере тонна зерна. За смену по сто пятьдесят тонн выходит. А если иногда убирать хлеб ночью? Чуешь, что получается?

— Чую, председатель. Ну и что?

— А то, что все наши сушилки за сутки пропустить могут тонн сорок, максимум пятьдесят. Соображаешь, куда дело клонится?

— Чего тут не соображать! Разрыв получается между мощностью зерноуборочной техники и возможностями нашего сушильного хозяйства. Примерно в три раза. А ну-ка... Что же выходит?—оживляется Сергей Егорович.—Сколько шуму бывает каждый раз. В погожие дни комбайны стоят, а в плохую погоду мы рвем их. Всю жизнь учимся, а поумнеть никак не можем.

— Это все лирика, дорогой Сергей Егорович. Нам надо и в колхозе вводить научную организацию труда. А то все ждем, когда кого-нибудь счастливая мысль осенит. Ощупью пробираемся.

Алексеев со стула пересаживается на диван, устраивается поудобнее и, видимо, решает поддеть меня:

— Летом, помню, ты, председатель, ловко расписывал будущее колхоза. Какие планы, какие перспективы! Мечты, фантазии, а вот экономических расчетов что-то не слышно было.

— Всякому овощу свое время. Тогда речь шла о перспективных планах, а теперь пора браться за конкретные дела. Надо иметь точные расчеты и на сушилки, и на склады... И главное с техникой чтобы все было увязано, ее мощность не должна пропадать даром.

— Мысль интересная,—вновь переменялся в настроении Сергей Егорович. Он немного помолчал, собираясь с какими-то мыслями.—Вот мы сейчас говорим о сушилках, складах, а завтра о фермах речь пойдет. Тоже ведь на глазок, без расчета делаем. Потом, быть может, менять все придется. Надо обо всем хозяйстве подумать, увязать наши планы, чтобы ни в чем прорыва не было. Фермы, бригады, машины, склады, зерносушилки—все должно быть увязано между собой. Вот сейчас наше сушильное хозяйство в три раза отстает от мощностей уборочных машин. Поправлять дело надо.

— А может,—предлагаю я,—нам с тобой, парторг, в район поехать? Поговорить в производственном управлении, с инженерами посоветоваться. А потом и в другие хозяйства заглянуть. Интересно, что соседи об этом думают...

В Шексну приехали поздно вечером. Но в окнах нового трехэтажного здания, недавно выстроенного для райкома и райисполкома, всюду горел яркий свет. Впрочем, поздно вечером—понятие относительное. Зимой дни короткие, сумерки наступают рано, и к нашему приезду работа в районном штабе шла еще полным ходом.

Производственное управление сельского хозяйства размещается на втором этаже. Почти всегда здесьлюдно, особенно в дни совещаний или когда специалисты, руководители хозяйств приезжают с отчетами или «выбивать» фонды по технике, удобрениям.

Но сегодня во всем коридоре тишина. Слышно только из открытых дверей хлопанье счетных костяшек да рокот арифмометров.

Начальник управления занимает просторный кабинет в конце коридора. Всюду развешаны диаграммы, графики и прочие показатели. Вдоль стен стоят мягкие стулья, а возле стола—два кресла для посетителей.

— Можно к вам, Иван Федорович?

За столом, заваленным бумагами, книгами, сидел пожи-

лой человек, сухощавый, почти лысый, но с живым выразительным лицом.

— Здорово, здорово, орлы! Заходите.

...Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет не вошел, а скорее, вбежал секретарь райкома Портнов. Невысокого роста, подвижный, с шевелюрой густых седеющих волос. Он подал нам руку, Федорову кивнул: виде-лись.

— О чем разговор, если не секрет?

Федоров встал из-за стола, начал прохаживаться по кабинету. Передвигался он как-то особенно: ходил не прямо, а какими-то зигзагами, то и дело поворачиваясь и поглядывая на нас сбоку.

— Вот орлам, говорят, сушилки понадобились.— Он сделал еще несколько шагов и уселся за стол.

— Намаялись нынче с уборкой,— вставил Сергей Егорович.

Портнов, поняв, чего мы добиваемся, задумчиво произнес:

— Да, год показал, что сушилок нам еще много надо.

— Дело не в том, что много,— говорю я,— надо вообще иметь точный расчет по каждому хозяйству. А то у одних густо, у других пусто.

Портнов резко повернулся в мою сторону.

— Ты же—член бюро райкома, сам знаешь, как идет распределение техники.

— Знаю. Делят, конечно, по справедливости. Всем хозяйствам свою долю выделяют.

— Ну и что, ты с этим не согласен?

— Да, не согласен. Такая дележка ошибочна.

— Почему?

— Потому что принцип погектарной нагрузки на технику устарел, он не дает полного представления о положении дел в том или другом хозяйстве. У одного колхоза легкая земля, у другого—трудная для обработки. А машины всем даем поровну.

Портнов и Федоров переглянулись.

— Возьмем комбайны. Тут погектарный принцип вовсе ни к чему. В одном хозяйстве берут по двадцать центнеров с гектара, а в другом всего лишь по десять. А машины, комбайны всем даем одинаково, по справедливости.

Секретарь райкома заметно оживился.

— Так, мысль интересная. Продолжай.

Мне ничего не оставалось, как выкладывать начистоту.

Мысль эта не у одного меня зародилась. Многие председатели недовольны. Надо бы всем собраться, потолковать, поспорить.

— О чем же спорить?

— Скажем, о тех же самых принципах... Ведь все в жизни меняется. Нынче хорошо, правильно, а завтра, глядишь, старо. Когда-то чуть не открытием казался принцип учета произведенной продукции на ста гектарах. Сравнивали, укоряли друг друга. А теперь устарело все это. Потому что не одинаковые у нас гектары, вот в чем дело, оказывается. В жизни все гораздо сложнее.

Федоров опять заходил по кабинету. Он заговорщически переглядывался все это время с секретарем райкома. Наконец, не удержался:

— Смотри, какие философы в «Заре» объявились! Это они все к тому ведут, чтобы лишние сушилки выклянчить.

Алексеева прорвало.

— Никто не кланчит, мы у себя и так, может быть, обойдемся. Но мысль, по-моему, высказывается верная.

— Верная, говоришь? — Это уже Портнов загорелся. — Ну-ка, давай, продолжай.

— А что, — не смутился Сергей Егорович, — могу и продолжить. Я так смотрю. Одним колхозам надо давать побольше почвообрабатывающих машин, навозоразбрасывателей, чтобы они порядок на своей земле навели. Другим — кусты раскорчевывать, камни убирать. А третьим уборочных машин побольше — землю свою они уже привели в порядок и теперь получают высокие урожаи.

— А у вас что, самые высокие?

— Не самые высокие. Но за последние три года колхоз удвоил сбор зерна. Комбайнов тоже стало больше. Управляемся. А вот сушильное хозяйство у нас явно устарело, отстает от других хозяйств.

Федоров опять звонко рассмеялся.

— А ведь уговорят орлы. Ей-ей докажут, что им в первую очередь подавай сушилки.

Алексееву я помогаю:

— Не только сушилки, а и транспортеры для механизации складов, зерноочистительные машины, погрузчики там всякие.

— Ну добро, добро,— сдавался Федоров.— Сразу из кармана я вам ничего не дам. Мы тут подумаем.

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ЗАБОТЫ

Техника, техника...

У всех теперь только и заботы, что о ней. Техники на селе стало много. Но используем мы ее еще плохо. Сроки службы машин сокращаются, а ремонт дорог.

Падает и выработка на трактор. Почему? Не стало второй смены. Даже на весеннем севе ночная работа стала редкостью.

Времена меняются. Раньше председатель и ночью не спал. Вместе с агрономом, механиком следил, как работают машины. Простоит трактор одну смену—ЧП.

Выйдешь, бывало, ночью за село, взберешься на бугорок и стоишь как зачарованный. Гул, рев вокруг тебя! И свет фар отовсюду. Это работают механизаторы ночной смены. По гулу учились определять, кто где пашет или какой трактор стоит: «Не слышно голоса».

Теперь ночной пахоты почти нет. Много тому причин. И с кадрами туго, и не в моде вообще становится вторая смена на тракторе. Но главная причина, по-моему, в качестве работы. Ночью и вспашка, и культивация все-таки не те. Вот агрономы и не поощряют ночную смену. Они знают, что техники теперь достаточно, можно и за световые часы управиться.

Однако второй сменой бросаться еще рано. Необходимо позаботиться о равномерной круглосуточной загрузке машин на весь год. Но для этого нужен целый комплекс, вполне продуманный набор прицепных и навесных орудий. Кстати, тема эта далеко не изучена в сельском хозяйстве и ждет своих исследователей.

Несколько слов о кадрах скажу. Думаю, что суще-

ствующая система подготовки сельских специалистов кое в чем устарела. Профессионально-технические училища все еще продолжают готовить главным образом трактористов, комбайнеров, шоферов. Но кадры этих «старых» профессий с успехом можно подготовить теперь и у себя дома. База для этого есть. Гораздо полезнее будет, если училища начнут давать селу мастеров-наладчиков, токарей, газосварщиков, сантехников, электриков, мастеров машинного доения, слесарей по ремонту, газификаторов. Люди таких профессий сейчас очень нужны колхозам и совхозам.

Об уходе молодежи из села пишется теперь много. Указываются разные причины. Одной из них и является узость в выборе профессии. Правда, нынче в моде стали «философы», которые считают, что отлив сельского населения — явление не только отрицательное, но и во многом положительное. Это, дескать, заставляет местных руководителей больше внедрять технику.

Верно, заставляет.

И наконец, самая наболевшая проблема — плохое техническое обслуживание колхозов и совхозов организациями «Сельхозтехники». Правда, и в этом есть что-то положительное: давно известно, что «голь на выдумки хитра». Изобретают, выкручиваются как-то наши сельские умельцы-механизаторы. Но говорить об этом грустно.

Необходимость иметь оснащенные мастерские в колхозах, совхозах признают теперь все, включая Министерство сельского хозяйства. Но вот вопрос: где взять станки? Обычно нам их дают шефы. Но ведь не у каждого шефа есть они. Те, что побогаче, вначале списывают, а затем уж «дарят» старые станки колхозам. Понятно, что на таком станочном оборудовании технический прогресс на селе далеко не шагнет. Почему-то «Сельхозтехника» до сих пор не может торговать станками. Сдадут колхозные инженеры заявку «Сельхозтехнике» — и сидят, ждут у моря погоды. Иной раз повезет, получат станок, конечно, не новый, а какой-нибудь реставрированный.

Никак не хотят станкостроители считаться с нуждами колхозных механизаторов. Неужели мы пасынки у них?

Экономика колхозов окрепла, теперь можно совершить крутой поворот, подняться на новую ступень в делах производства—осуществить концентрацию, специализацию высокомеханизированных ферм, полную механизацию растениеводства.

Мы, председатели, мечтаем построить новые фермы, сселить мелкие деревни, создав благоустроенные поселки, провести мелиорацию, улучшить наши земли, укрупнить поля севооборота. Вот тогда можно будет развернуться механизированным звеньям, отрядам!

И молодежь обучить бы разным профессиям. Такая бы жизнь пошла, никому бы в город не захотелось!

Но как удержать парней и девчат, что бегут из деревни без разбору: нужен ты городу или нет? Со стариками осваивать новое трудно—глазеют па «умную» технику, умиляются, а совладать с ней никак не могут.

И «культуру» какую заведешь—для чего она старикам? В оркестр деда с бабкой все равно не затащишь. Послушать музыку—оно, конечно, можно, отчего не послушать, но сыграть самому—пальцы уже не те, да и дух в груди не тот...

И лежат во многих хозяйствах деньги мертвым капиталом. Взять хотя бы моего соседа Тимофея Александровича Иванова, председателя колхоза «Шексна». Более миллиона рублей свободных денег у него на счету в банке.

Правда, теперь появилось много шустрых «экономистов», которые почем свет долбят и в хвост и в гриву таких «скопидомов». К таким критикам охотно пристраиваются все, кого одолевает зуд поскорее потратить общественные деньги. Но в том-то и загвоздка, что нам, председателям, хочется потратить их со смыслом, с толком. На погрешности-безделушки тратиться нет охоты, а для стоящего дела—некому осваивать эти капиталы на селе. Взять хотя бы строительство. Прежние плотничьи бригады себя изжили. Нужны колхозам другие строители, вроде тех, что возводят нынче заводы и фабрики. Но деревне приходится пока обращаться к шабашникам—владимирским, грузинским, армянским, закавказским. А тем—подавай на лапу по тридцатке в день, о меньшем и говорить не желают...

МАРК ИВАНЫЧ

Пачевскую кузницу кто-то в шутку прозвал сельским ОТК. У нас стало правилом—без кузнеца трактор в поле не выпускать. Побывает трактор в капитальном ремонте, его из районной мастерской прямоком гонят к Марку Ивановичу: «Осмотри, Иваныч. Хорошо ли подлечили».

Иной механизатор заторопится, уедет в поле, минуя ОТК. А потом пожалеет об этом. Поработает денек, другой, смотрит, забарахлил трактор. Но и тогда сельский кузнец не выскажет обиды, а только назидательно заметит:

— Хотел мимо ОТК проскочить? Мня, брат, стронкой не объедешь.

Марк Иванович на всю округу кузнец известный. Работает он в Паче не один десяток лет. В молодости хаживал на заработки, от колхоза одно время совсем было отбился, и теперь числился наемным рабочим. Правда, договор с правлением колхоза кузнец заключает только для того, чтобы иметь лучшие виды на пенсию. Во всем остальном Марк Иванович считает себя полноправным колхозником.

Я часто навещался в кузницу. Здесь можно с механизаторами встретиться, поговорить. Иной раз собственная нужда гонит: то рессора у легковой машины лопнет, то еще какую-либо штуковину отковать падо. Кузнец любит, когда само начальство к нему идет. Покурит, побеседует. А то и кувалду в руки сунет:

— Ну-ка, вдарь разок-другой. Сможешь?

Работой кузнеца можно залюбоваться. Сам он не широк в плечах — с виду ничем не удался, ни ростом, ни осанкой, а поди ты, как ловко орудует у наковальни. За что ни возьмется — спорится дело. Марк Иванович и медник, и сварщик, и по токарному делу мастер. А освободится от кузницы — топором орудует дома, что тебе заправский плотник. Сам себе хоромину возвел, не стал строителей нанимать. И дом получился — соседям на за-

висть. На следующий год вздумал опустить сруб тесом: придумал специальный станок для обработки досок, резцы, калевки всякие понаделал. И щепу драть тоже все ездят к нему. Стоит у него станок за кузницей, под навесом. Марк Иванович сам отладит скобу, включит механический привод, опробует приспособление. А потом только скажет:

— Мусор за собой не забудьте убрать.

Вот и весь наказ. Платы за услуги он не возьмет с колхозника никакой. Но когда мужик догадается принести поллитровку. — кузнец не откажется.

Механик Зародов крепко поругивает кузнеца за это.

— Смотри, Марк! Председатель ценит твои золотые руки. Но за водку и прогнать может.

Тот только отмахнется:

— Прогонит — себе же навредит. Кто ему рессоры чинить будет?

Иногда Марка Ивановича вызывают на правление и «снимают стружку». Правда, ругают его не только за собственные провинности, чаще за жену достается. Все знают: насколько деловит кузнец, настолько же бездельница его жена Нина. В деревне все ее зовут «Марушкой». Целыми днями сидит она на крыльце, песенки попевает.

Встанет поутру, спровадит мужа на работу и отправляется в заветный чулан за настоечкой. Идут мимо дома кузнеца пачевские бабы, дивуются: «Батюшки, уже поет!» Магазин еще не открылся, а кузнечиха уже хмельная на крыльце, бранится с прохожим, клянет бригадира, и председателю достается за то, что «не сознает ейным болезням, лодырем обзывает...»

Соседские мужики, наблюдая такие сцены, нет-нет да и выговорят самому.

— Ты бы, Марк, унял бабу. Срам слушать, как она всех костит.

Марк Иванович при таких речах ниже опустит голову или громче застучит по наковальне.

Тот, что сделал замечание, почувствует, какую рану разбрел в сердце кузнеца, начнет неловко оправдываться:

— Не хотел обидеть, Иваныч. Золотой ты человек, а вот баба...

Иногда не выдержит, сам ударится в запой. Днем он на людях не кажется, прячется где-нибудь в сарае или на чердаке. А чуть стемнеет — выбредает на улицу. И тогда молчаливой тенью снует от дома к дому, тычется во всякие двери — ищет себе компаньонов.

Однажды залетел в деревню какой-то парень-бедолага, решил в колхозе обосноваться. Правление колхоза направило его к Марку Ивановичу:

— Приюти. Может, за молотобойца сойдет.

Кузнец новичка принял не сразу. Сперва косо поглядывал, испытывал на работе. А потом сошлись характерами.

Парень попался ловкий, удалый, хотя и не разговорчивый. Но молотом играет, словно перышком помахивает. Веселый звон пошел из кузницы.

Ему-то, новичку, и поведал Марк Иванович о том, как прошла молодость его, где себе отыскал он «Марушку», какой присухой она стала.

История эта длинная и грустная. В ней было все — ухаживание, любовные успехи и огорчения, когда молодому кузнецу делали от ворот поворот, после чего он отправлялся обычно в странствия. Однажды Марк вернулся домой при деньгах. С дороги выпил для храбрости и пошел напрямик в дом к своей суженой. Как там разворачивались события, Марк Иванович уже запомнил, но финал был грустным: отправили молодого кузнеца в места не столь отдаленные. Не думалось, не гадалось, а пришлось ему поработать несколько лет на Колыме.

Вернувшись, стал снова обивать пороги дома своей Нинушки. Наконец, пошла она за него замуж. На этот раз, видать, не буйствовал, покорностью своей взял.

Но не зря говорят старики: «Жениться — не напасть, вот как бы, женившись, не пропасть». Марку Ивановичу, словно в насмешку, достался второй конец этой житейской веревочки — не задалась у него жизнь с Нинушкой-Марушкой. Была она серой, безрадостной. Лишь одно удовольствие и осталось — работа. Здесь Марк Иванович, что называется, расцветал душой, забывал свои горести и начинал такое выковывать — не звон от наковальни — музыка.

Однажды ночью загорелась кузница. Марк Иванович

учуял беду первым па селе. Выскочил из дому в одиом исподнем и бросился на пожар. Тушил огонь в каком-то иступлении, опалился сам, а пуще почернел лицом с горя: сгорела дотла кузница.

Срочно собрали членов правления.

— Беда,— говорю,— мужики. Марк-то наш, глядите, осиротел. Надо бы поскорее кузницу ему справить.

Нашлись скорые подрядчики. Все механизаторы пришли строить Марково заведение. Ровно за неделю была готова новая кузница, да такая, что сам Марк Иванович не мог скрыть восторга:

— Э-хе! В такой хорошине можно будет задать жару!

ПЕТРОВИЧ

Редееет на селе старая гвардия механизаторов!

Подумаешь об этом, грустно становится. Понимаешь, что колхозы навсегда расстаются со своим детством— нелегким тревожным, героическим.

Уходит старое время, но остаются добрые песни о нем — боевые, задорные, а то и лирические, с грустинкой.

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати..

Попробуй собери бывалых механизаторов — Хлебникова, Зародова, Белякова, братьев Тихомировых, Кузнецова, Лебедева, Беляева,— напхни им слова этой песни, увидишь, как увлажнятся их глаза и подобрют суровые, обветренные лица.

Иван Петрович Тихомиров, или попросту Петрович,— один из них. Работает он механиком Покровского куста. Куст не малый, объединяет четыре комплексные бригады, одной пашни у них более двух тысяч гектаров. А сколько лугов, пастбищ, лесных и болотистых угодий, до которых тоже есть дело нынешним механизаторам...

Под рукой у Петровича теперь десятка два гусеничных и колесных тракторов новейших марок, самоходные

комбайны, автомашины (по две-три в каждой бригаде), около сотни всяких прицепных машин. Четырнадцать деревень надо объехать, чтобы побывать у всех механизаторов, посмотреть, чем занята техника, не нуждается ли кто из трактористов, комбайнеров, шоферов в его помощи.

Бригадир комплексных бригад, которым вручена теперь вся техника, то и дело, порой даже с мелочью, обращаются к механику:

— Петрович, погляди, что с плугом у Беляева. Не пашня, а грядки сплошные.

Механик спешит в поле.

— Петрович, — жалуется в сердцах другой бригадир, — когда выберешь время заглянуть на сушилку? Замаялись ребята с сортировкой. Растрясло всю.

Тихомиров и тут не отказывается.

Ладит он сортировку в Демидове, а из села Покровского уже летит верховой:

— Иван Петрович, у Генки трактор встал. Натяжник полетел.

А где его теперь достанешь, этот самый натяжной винт? Пора горячая, а запаса нет, придется ехать в район.

Петрович садится на мотоцикл и мчится в мастерские «Сельхозтехники».

Дорога до райцентра хорошая — недавно проложили бетонку. Тарахтит старый «ИЖ», трясет люльку, в которой у Петровича всегда что-то гремит и брякает.

Навстречу мчатся лихие «газики», пыхтят тяжелые МАЗы, обдавая встречного мотоциклиста шквальной струей газа и дыма, шипят раскатыстые «Волги». Петрович морщится от всей этой напасти, щурится, тугой встречный ветер выгоняет из глаз непрошеную слезу.

По деревням Тихомиров разъезжает тоже на мотоцикле. Но чаще всего для таких целей служит ему верный рыжий меринок. Безотказный, выносливый, лишь бы овсеца было вдоволь.

Рыжий — малый ученый. Загудел трактор, он знает, что работа окончена, бежит с опушки леса напрямик к хозяину. И не больно охота, но что поделаешь, подставляй свою спину этому неуклюжему седоку — неси его дальше...

Однажды Иван Петрович здорово провинился. Это было в конце весеннего сева. После хлестких и затяжных дождей установилось вдруг каменное ведро. Все бригады заторопились — надо скорее кончать сев.

В такое время механизаторов не приходится подгонять. Они знают, что сроки уходят, прозеваешь — собирай по осени «сам-сам». Да и «сам» этот не всегда на семена сгодится, разве что на фураж скоту пойдет. Крестьянское дело такое: что посеешь, то и пожнешь. Как посеешь, когда посеешь — тоже моменты в нашем деле важные.

И вдруг из Покровского куста прилетела новость: Петрович загулял. Событие это на весеннем севе означает равносильно «землю продал». Тут не только председатель, брат о родном брате скажет: «Ах ты, сукин сын!»

Вспылили мы с парторгом, взыдибли «козла» и понеслись наводить порядок. В Горке, где живет механик, толком ничего не узнали. Услышали только, что мерин вместе с седлом отпущен на волю, а Петрович со вчерашнего вечера перекаптовался на мотоцикл.

«Ну, стало быть, далеко не уедет». Мы знаем, что мотоцикл у Петровича вечно барахлит, зажигание неисправное, отладить его Ивану все недосуг. Но проскочили по всем деревням, поспрашивали — никто не видел механика. Осталось Демидово. Не успели въехать в деревню — вдруг, словно из подворотни, выскочил мотоцикл с коляской. Управлял им Иван Петрович. И вдоль улицы такие кренделя начал выделывать — цирк да и только.

На другой день собралось правление, чтобы обсудить случай с механиком.

Уже сейчас, когда прошло время, признаюсь, что мы тогда поступили с ним слишком круто, явно погорячились. У Ивана Петровича, что называется, большая совесть. И загулял он в посевную, пожалуй, первый раз в жизни. Что-то случилось с ним необычное. Ведь он сам не терпел гуляк-механизаторов.

В посевную компанию и колхозное начальство тоже как-то по-своему «дуреет» — может, от неимоверного напряжения, слишком обостренного чувства ответственности за судьбу будущего урожая. Сев — святая святых! Все дни, все часы и минуты на учете, в такую пору не то чтоб бездельничать, подумать об этом считалось преступ-

лением. А тут загулял механик. И не кто-нибудь, а Петрович, на котором полколхоза держится...

Обсуждали поступок рьяно. Было сказано Петровичу много резких и не совсем справедливых слов. Высказывались правленцы взахлеб, не давая механику опомниться и что-либо вымолвить в свое оправдание.

Мне стало жаль его. Смотрю на Сергея Егоровича — тот как-то тоже присмирел, словно испытывает неловкость за происходящее.

Тихомиров сидел, понурясь. Тяжелые, мрачные мысли лезли в голову. Не сразу сообразил, что окончилась уже проработка, можно ехать домой. Замешкался в дверях, постоял как-то неопределенно, потоптался.

...Я почувствовал неладное. Утром вскочил пораньше и поспешил к дому парторга.

— Поедем, разыщем Петровича.

— А что он, дома не был?

— Откуда я знаю...

Дома Петровича действительно не оказалось, не пришел с вечера. На пороге нас встретила его жена:

— Да что вы, окаянные, с батькой-то сделали? Где он?

— Подожди, Лидия, не шуми. Разыщем твоего Ивана.

Ивана Петровича увидели на опушке леса. Бродит на полянке, в нашу сторону не смотрит. Голова низко склонилась, плечи обмякли, руки, словно чужие, повисли и странно болтаются... Делать рабочим рукам вдруг стало нечего.

Мы посигналили. Петрович встrepенулcя, но головы не поднял, а только медленно побрел в глубь леса.

Посигналили еще раз, более настойчиво. Петрович задержался, высмотрел старый пенек, пристроился сбоку. Мы оставили машину и пошли к механику. Тот посмотрел тускло на нас, на приветствие не ответил.

— Обида взяла, Иван Петрович?

— Не то. Обижаться не на кого. Сам виноват.

Мы еще больше почувствовали, что спорили горячку.

— Ну, добро. Забудем. Должен понимать, время какое. Петровича словно током одернуло.

— Пред! Серега! Черти полосатые. Да я же... Сутки вот тут брожу. Всю жизнь свою перевернул. Худо все у меня получалось. Эх!..

КОЛХОЗНЫЕ АРТИСТЫ

...Первыми на смотр приехала в райцентр самодеятельность колхоза имени Кирова. Но соперников наших постигла неудача. День был морозный, стужа такая, что в Доме культуры и стены покрылись снегом. Зрителей было мало, приуныли кировцы.

За ними — наш черед.

«Нет, так дело не пойдет!» — решили мы с парторгом. И договорились объявить в колхозе «культурный аврал». Обсудили на правлении, распланировали все и стали готовиться. Художники рисуют оформление, всякие там показательные щиты. Поднажали, и в клубе взялись по-настоящему за художественную самодеятельность. Сельский Совет расшевелил учителей, библиотекарей. Правленцы и бригадиры тоже не сидели сложа руки: прежде чем ехать на показ людям, надо у себя дома навести порядок. Закипела работа. Но сельское кипение известное — быстро остывает. Произошла, например, заминка с хором. Сельская интеллигенция долго раскачивалась. А когда влились — колхозная молодежь разбежалась. Собрались руководители всех наших учреждений и мигом постановили — самим надо пример показать. Меня назначили руководителем общеколхозного хора.

— Эхма, была не была!

Петь пришли председатель сельсовета Ивап Антонович Неробов, главный инженер колхоза Николай Скорюков вместе с женой, директор школы, наш профсоюзный вожак механизатор Виктор Васильевич Вихарев. Но парторг вдруг петь категорически отказался.

— Нет голоса, — говорит. — А так бы с охотой.

Поугovarивали мы поугovarивали, да махнули рукой: «Ладно, пускай один парторг не поет».

Комсомол тоже развернулся. Наташа Чуркина, секретарь комитета, взялась за драматический. Геля Кашенкова, хударк Дома культуры, создала из комсомольцев ансамбль «Ровесник». Люба Тузова — танцевальный кружок. Местный поэт Володя Беляев стал вдруг ходить

около клуба задумчивый: всех сторонится, от ребят откалывается. Работать он и раньше был немножко ленив, но теперь хоть стихи сочиняет. И то дело.

В клубе веселая братва взялась коллективно сочинять частушки на местные темы. Получились забавные «Вологодские ребята». Номер этот потом не раз оглашали криком «бис!». Геля Кашенкова и раньше славилась у нас в «Заре» сочинительством. Теперь у нее подготовлена своя песня, и музыка к ней написана. Талантливая она девушка.

И вот настал день. Едет «Заря» на смотр. Будут ли в поселке зрители или не будут, а мы на всякий случай прихватили своих.

Пошла гора к Магомету!

Около ста человек зрителей отправили вперед на машинах. А участники художественной самодеятельности понеслись на тройке в расписанных санках, с бубенцами-колокольцами. Ленты алые полощутся над гривами лошадей, а песни звонкие и задорные далеко опережают санный поезд. Замыкают «культурное шествие» колхозные легковые машины. Но в них нынче не начальство едет. Нет! Везут музыкальные инструменты, костюмы да артисты сидят, которым голоса надо беречь, или пальцы, у тех кто играть будет, чтобы зря не мерзли.

В райцентр вихрем ввалились с песнями, с гиканьем. Некоторые озорники и посвистывать наострились. Коня, распластав хвосты, пустились вскачь.

— Расступись, честной народ!

Улыбаются встречные прохожие, приветливо машут вслед. Иван Федорович только что вышел из управления, посмотрел на лошадиную кавалькаду, молодо улыбнулся:

— Дает «Заря» звону. Вот орлы!

Ему, старому кавалеристу и заядлому лошадику, такое лихое гарцевание явно пришлось по сердцу.

Напрасны были и наши опасения насчет зрителей. Шексна на этот раз поджидала колхозных гостей. Народ густо валил в районный Дом культуры. И если бы печи оказались нетоплены — все равно человеческое дыхание согрело бы помещение.

Выставка в фойе всем понравилась. А в зале тем временем колхозный актив держал отчет. После короткого

доклада выступили почетные колхозники, специалисты, наша молодая гвардия. Диаграммы, плакаты хорошо дополняли рассказы колхозников. В них мы все больше нажимали на социальную тему, старались показать, как решается молодежная проблема, что для этого делается. Говоря проще, давали ответ: стареет или молодеет наш колхоз. Эксперимент с выдачей паспортов по окончании школы, организация курсов, индивидуальное ученичество, посылка стипендиатов в техникумы и институты пока приносят нам выгоду. Вот что говорилось в одном из плакатов:

Молодежи от 16 до 25 лет в колхозе:

1966 год — 166 человек

1967 год — 236 человек

1968 год — 250 человек.

Средний возраст работающих в колхозе — 38 лет.

У наших соседей — сорокалетний возраст.

Мы гордились этими достижениями, хотя знали, что это еще только начало. Впереди — много забот.

Вот уже много лет мы соревнуемся с колхозом «Шексна». Они, правда, обгоняют пока нас по производству зерна, молока, картофеля. Урожайность у них выше. Но наши «Вологодские ребята» задиристо пропели со сцены частушки, посвященные шекснинскому главному агроному:

Не хвались зерном, Бухонин,
Чикоем, брякоем,
Все равно «Шексну» обгоним,
Ох, больше не калякоем.

Зал аплодирует. А «Вологодские ребята» подбираются уже к молочным делам.

Ох, шекснинские доярки,
Говори не говори.
Молоко у вас грязное,
Ох, поучитесь у «Зари».

Тимофей Александрович, председатель их колхоза, сидит в зале. Он весь побагровел, сжал кулаки.

А ребята поддают жару. Они уже и технику у сосе-

дей осмотрели, каково ей на зимнем хранении, и в клуб заглянули.

Клуб ли тоже посмотрели,
Постояли у двери...
Ох, ребята, в самом деле
Вам далеко до «Зари».

Зал грохнул. Бурная реакция имела свою причину: в «Шексне» клуб только еще строился.

Тимофей Александрович огляделся, пуще заерзал на стуле, но, видя доброжелательность критики, начал улыбаться, дескать, добро, соседи, подождите, мы вас тоже найдем чем уколоть.

В концерте занято много людей. За кулисами веселая суетня, скорые приготовления. И над всем этим беспокойно хлопочет директор нашего Дома культуры Римма Николаевна Козырева. Она проворно бежит туда-сюда, ободряет артистов, а сама нервно суетится и потом, когда артисты уже на сцене, стоит, кусает губы.

Смотр художественной самодеятельности вылился в настоящий праздник. Жюри тут же подводит итоги, делает свои замечания. Однако окончательные итоги будут известны, когда пройдут творческие отчеты всех колхозов. Но и теперь наши артисты, все колхозники испытывают подъем, как люди, хорошо поработавшие. Все мы сильнее почувствовали, что на селе можно не только трудиться, но и жить весело.

СТАРИКИ, СТАРИКИ...

Забавный у меня сын Мишутка. Заскочишь на короткое время в дом, надо поесть что-нибудь поскорее, а он тебе тысячу «почему?» подбрасывает. Поперхнешься не раз, прежде чем выдашь ответы.

Но сегодня Мишка почему-то не «почемукает». Он забился в угол и издали наблюдает, как папа уплетает за обе щеки.

Потом выползает из своего укрытия, подходит к столу.

— Пап, а бабуска Матлена умиляет.

До меня не сразу доходят его слова. Из кухни появляется жена:

— Ты что же не отвечаешь сыну?

Спыхватываюсь.

— А... Что? Кто это еще умирает?

— Бабуска Матлена.

Я смотрю на жену, та кивает: «Верно говорит». Но ведь же Матрена, соседка, что живет от нас через два дома, месяца три как уехала в город к сыну.

— Приехала, оказывается,— сообщает жена.— И никто не видел. Мальчишки бегали, забрели в дом, а она лежит чуть живая.

У меня глаза на лоб лезут.

— Это как же?

Но расспрашивать некогда. Шапку в охапку — и бегу к старой хибарке. Домик Матрены стоит на отшибе, покосился — таких теперь мало домов в Паче. Давно отпуржило, дороги всюду паезжены, а тут никакой тропы не видно. Только свежие чьи-то следы ведут к крылечку.

Бабка Матрена стара, давно на пенсии. Она и раньше редко выходила из дому. Колхоз подвезет ей, бывало, дрова, кто-нибудь распилит-расколет, старухе остается убрать в поленницу и дожидаться лютого зимовья. Но нынешней осенью Матрена вдруг объявила, что уезжает к сыну. Дров не подвезли.

Вхожу в дом, осматриваюсь в сумраке. Лежит бабка в нетопленной избе, укрывшись одеялом да еще каким-то тряпьем. На заплесневелом столике, что подле кровати, краюха черствого хлеба и котелок, в котором застыла вода.

— Ах, батюшки. Как же это ты, Матрена?

Из-под одеяла донесся слабый голос:

— Ай, кто там?

Бабка бессильными руками чуть стянула одеяло с лица, освободила глаза и губы, горестно вздохнула:

— Помирать собралась, да смерти что-то нет.

— А город как же, сын?

Старуха зажмурилась, собираясь заплакать. Но слезы, видать, высохли, не плачется.

— Горе мое — сын. Споха прогнала, а он не заступился.

Меня разбирает зло па этого сына: знаю его, ездит каждую осень картошку убирать. Тихоня какой-то, не как другие. Молча приедет, молча выкопает картошку, молча увезет ее в город.

— В суд па них... Ты же имущество распродала, свезла. Требуй по закону.

— И-и закон. Бог с ним, с имуществом. На сына в суд не подам.

Слушать эту жалкую исповедь тошно. Колхоз уже имел дело с такими вот брошенными старушками.

Пошел в контору и распорядился выписать за счет культфонда бабке Матрене денег для прожития. Послал кассира купить что-нибудь из продуктов, а бригадиру наказал привезти с фермы сухих дров.

Деревенские люди отзывчивы на беду. Услышали: «Матрена замерзает» — кто с охапкой поленьев, кто с пирогами бежит, кто самовар налаживает. Ожила, спасена бабка Матрена.

Вечером мы с парторгом чуть не поругались по такому случаю.

— А не построить ли нам дом для престарелых? — говорю парторгу. — Скажем, ясли в Добреце подождут, надо срочно сообразить какой-нибудь пансионат.

— Ну это уж крайности, — возразил парторг. — И то, и другое надо строить.

Мне хочется почему-то шуметь, спорить. Но с кем?

— Нет, к черту все эти клубы и ясли! К черту и молодежь! Стариков пожалеть надо.

— А молодежь тут при чем? — парторг берет сторону молодежи.

— При всем при этом...

— Не пойму, — говорит Сергей Егорович.

— А и понимать нечего. Разъехались, пооставляли стариков, бросили...

— Не всех же бросили. Некоторые старики сами не едут.

— Сами?! А в прошлом году, помнишь, две добрецкие старушки приходили в контору, плакали: «Возьмите обратно в колхоз».

— То ж только две.

Парторг, кажется, нарочно меня злит.

— А четвериковскую старушку как хоронили? — распеваюсь я. — Умерла, никто из родственников на похороны не приехал. Помнишь?

А как прошлым летом слепую Евдокию из больницы выписали, так прямо и везут ее к председателю — давай, председатель, нянчись.

Сергей Егорович почему-то продолжает ухмыляться. Мне хочется побольнее задеть его:

— Ну хорошо. Вот еще раз привезут слепую в контору — поезжай сам подыскивать ей квартиру. С меня довольно. Последний раз объездил все деревни — никто не берет. Ни за какие коврижки! Бабку Сальникову в Берендухе еле уговорил. А у той самой домишко валится, того и гляди рухнет.

Парторга наконец проняло.

— Так чего же ты хочешь? — в сердцах спросил он.

— Пересмотреть наши строительные планы. С молодежи немного поурезать, а старикам — добавить. А то у нас — школы, клубы, ясли... Все молодежь заманиваем!..

Сергей Егорович теперь доведен до полной «кондиции». Он резко бросает:

— Перестань злиться. Разжалобила тебя Матрена — дуешься на весь свет. При чем тут молодежь? И планы нечего пересматривать.

Но потом уже в «мирной» беседе мы оба соглашаемся, что о стариках надо подумать. Их на селе много таких — без дочерей, без сыновей. Укатали их дети в города, некоторые и носа не кажут. Как-то пришло в правление письмо: дочка спрашивает, как поживает ее мамка? Проявила заботу! «Помогите, если чего».

Колхоз и так помогает, просить не надо. И дрова подвезти, и огород вспахать. Но стариков стало столько, что в иной деревне на одну молодую семью приходится по три семьи старицких. Вот и думай, председатель: то ли землю пахать, то ли за стариками ухаживать. А тут еще с весны навезут сынки и дочки своих детишек из городов. И превращается деревня во всесоюзные ясли. Мало того что последнюю рабочую силу отрывают от колхозного производства, от ребячьей шалости бед не оберешься.

Как наедут городские пацаны — жди пожаров. Деревенские, те меньше с огнем шалят, они знают его страшную силу...

ШОФЕР МИША И ЮРИЙ ДОБРЯКОВ

Раньше, в малых колхозах, председатель не задумывался, на чем ему ездить. Встанет поутру, оседлает сивку-бурку, гикнет, огрев коня плетью, и — поехал руководить.

Теперь — другое дело. Колхозы большие, нужно обскакать не один десяток деревень. Тут никакая лошадь не выдержит. Да и седок тоже. К вечеру так укажется, что скрип во всех суставах пойдет. Когда стали жить лучше, начали обзаводиться председатели машинами. Но появлялись они не у всех сразу. Завидуешь, бывало, тем счастливчикам, кои разъезжают в «газиках», «Москвичах», а то и на «Волгах», словно министры какие, пылят по дорогам. Правда, в наших северных колхозах не больно запылишь.

Мне с машиной долго не везло. В Дмитриевском колхозе начал председательствовать пешком. Не одну пару сапог истаскал, пока колхозники не «сообразили» личный транспорт. Пригнали как-то мужики из дальней деревни молодую необъезженную кобылку.

— Вот тебе, председатель, лошадь. Зови ее Искрой.

Долго я с ней бился. А может, она со мной маялась, потому что ездить в седле я тогда не умел. Но вскоре свyksя и с седлом, и с лошастью. До слез было жаль расставаться с умным, послушным животным.

В «Заре», когда принимал колхоз от Андрея Кудрявцева, получил в наследство старенький «газик», доведенный, как говорится, до ручки. Никто к нему не прикасался, кроме, пожалуй, ребятишек, которым не терпелось что-либо поубавить от этой рухляди.

И опять долго пришлось руководить с седла. Но теперь я по полям и весям разъезжал на Чинаре. Эта лошадь

служила мне много лет. За день она выдюживала почти сотню верст. И всякий раз, сообразуясь с настроением хозяина, то мчалась галопом, то переходила на крупную рысь, но никогда не ходила шагом.

Огневая была лошадь!

Наконец, я решил перейти с коня на технику. Вызвал механика, двух шоферов и попросил их отремонтировать колхозный драндулет.

— Попробуем, — согласились ребята.

Но и после ремонта «козел» упорно отказывался меня возить. Выедешь, бывало, поутру в дальнюю бригаду на машине, а возвращаешься к вечеру пешком. И не только в поломках дело. Дороги у нас хлипкие, чуть брызнет дождик — глядишь, забуксовало. Управлял машиной молодой веснушчатый шофер Миша. Он, пожалуй, меньше сидел за баранкой, а все больше лопатой орудовал. За лето и осень, кажется, успевали с ним перекопать все дороги. Весной же мы с Мишей вообще не отваживались пускаться в далекий путь на этой машине.

Однажды все это кончилось. Миша решил показать доблести «козла», доказать председателю, что машина у него в порядке: «Хоть на Луну!» Он лихо катил нас с агрономом по дорогам, удачно проскочил через луг, поле. Вконец осмелев, решился с ходу форсировать небольшой ручей. Но «козел», влетев на середину песчаной отмели, вдруг дико заурчал, расплескивая воду колесами, а потом стал как-то неестественно дергаться, словно исходил в конвульсиях. Пришлось снова посылать за трактором.

Он родом из деревни Кичипо.

Давно уже замечено, что кичинские ребята — прирожденные механизаторы. Не знаю, как в других хозяйствах, ну, а в нашем колхозе, когда мы отбирали парней на курсы механизаторов, всегда учитывали и такую особенность. Так уж повелось, что Кичино, Пача, Горка и некоторые другие деревни всегда давали колхозу хорошие кадры. Напротив, Соколово, Покровское, Соколье никогда не поставляли дельных механизаторов. На что уж дотошный парод в селе Едома — и огурчик-то в любой год вырастят, п сады у них лучше всех цветут, и само село чище, опрятнее других — а вот механизаторов толковых из едомских ребят тоже не получалось,

Юрий Добряков — механизатор широкого профиля. Он и тракторист, и шофер, и комбайнер. Нужда появится, Юрий встанет к любому станку. А то, глядишь, заделается кузнецом, сварщиком. Знает он столярное, слесарное дело. Одним словом, по природе это смекалистый парень, у которого любая работа спорится. Вот только росточком бог его обидел. Но о таких с уважением говорят на селе: «Мал золотник, да дорог».

Авторитет среди колхозных механизаторов у Добрякова завидный. Еще бы! Он издали слышит, чем болен мотор. В технические споры не очень-то любит вступать, но скажет словцо — как отольет. Делай, как он скажет, всегда ладно будет.

К мнению Добрякова прислушивается даже сам механик Задоров. А ведь Алексей Иванович «профессором» среди старых технарей значится.

Задоров мне как-то сказал:

— Возьми шофером Добрякова, не подведет.

Но Юрий шофером не пошел, коротко ответил на приглашение:

— В бригаде дел полно.

Сначала мне показалось, что Добряков бравитует, набивает себе цену. Но потом увидел, что он на самом деле необходим в бригаде. В посевную Юрий на своей машине и семена подвезет, и горючее подбросит, а то ремонтом займется, если у новичка трактор забарахлит. И делал он это без наряда, по своей доброй воле — просто не мог утерпеть, если увидит, что машина простаивает.

А начнется сенокос или подоспеет силосование — он и тут что-нибудь «изобретет». Юрий первым начал внедрять механическую уборку трав, стаскивал и укладывал силосную массу в бурты.

Но особенно преображался на уборке хлебов. Грузовик свой передавал напарнику, а сам садился на комбайн. На комбайне Юрий, что называется, давал класс.

За все годы работы в сельском хозяйстве мне не приходилось такое видеть. Долго я присматривался к Добрякову, пытался понять, как он косит хлеба. У него любые неровности поля остаются словно выбритые. Казалось, что жатка у его комбайна эластичная, умеет добраться до любой полевой вмятины. Только приглядев-

шись внимательно, я попял, как это у него получается. Добряков обычно не держится за штурвал — руль у него прижат локтями, а кисти рук свободно управляют гидравликой. Ими он то поднимает, в зависимости от рельефа, то опускает хедер, выносит или подтягивает мотовило. Регулируя скорость движения, комбайнер добивается того, что срезанная масса всегда равномерно поступает на шнек — барабан гудит уверенно, не надрываясь, не «проглатывая» слишком больших порций. Машина не испытывает перегрузок, а это очень важно, когда хлеба плотные, высокие. Если скошенная масса поступает в барабан неровно, мотор напрягается до предела, а тело комбайна, словно живое, начнет нервно содрогаться. С комбайном Добрякова ничего подобного не происходит. Можно часами слушать свободный ровный рокот мотора.

Однажды, возвращаясь с районного совещания, мы с парторгом завернули на поле, где работал Добряков.

Невольно залюбовались красивым зрелищем. Где-то за лесом догорал закат, на поле спускались сумерки. Комбайпер включил фары и, не снижая темпа, вел свой корабль по длинному загону. Мы решили дожидаться, когда комбайн обойдет круг. Юрий подъехал, остановился, но похвал в свой адрес не стал выслушивать. Наоборот, недовольно проворчал:

— Чего меня караулите? Я с поля не убегу.

Он посмотрел со своего капитанского мостика в сторону деревни, спрятавшейся за темным горизонтом, и сердито махнул рукой:

— Лучше проверяйте работу сушилок. Спят ведь по ночам.

Мы с парторгом молча переглянулись, сели в машину и — айда по всем сушилкам. Добряков оказался прав — сушильщики спали. Производительность ночной смены была в два раза ниже дневной. Пришлось принимать срочные меры.

...После ухода Миши в армию колхоз вскоре получил новую легковушку. Но надо было и старую восстанавливать: специалистов в колхозе прибавилось, транспорт теперь только подавай. Чтобы ухаживать за двумя машинами, нужен был опытный шофер.

Добрякова снова вызвали в правление. На этот раз он согласился, но при одном условии — на время убор-

ки хлебов отпускать его на комбайн. Условие всем подходило — дали такое обещание. Теперь девять месяцев в году председатель стал разъезжать с шофером, остальное время — крутили баранку по очереди с парторгом.

Шофер председательского «газика» — не просто водитель машины. Это его вечный попутчик, советчик и даже референт по многим вопросам руководства. Счастье руководителя хозяйства, если у него есть такой шофер.

Бывая вместе с председателем на бригадных собраниях, полевых «летучках» и просто при всякой беседе с колхозниками, шофер постепенно вникает во все заботы и, конечно, осваивает руководящий опыт. Он видит твои успехи и поражения. Знает, что о тебе думают люди.

Совет шофера в работе председателя никогда не лишний. С его мнением надо всегда считаться и добрым расположением к себе дорожить. Часто председатель видит одно, а шофер замечает другое. Доказывает, например, бригадир, что техники у него не хватает, людей маловато, потому, дескать, и не справляется бригада с делами. Но шофер в удобный момент упрекнет слишком доверчивого председателя:

— Подзагулял бригадир-то. Вот, поди, и проболтались люди, и техника простояла. А ты поверил...

— А откуда знаешь?

— Знаю,— таинственно скажет шофер, и мне понятно, что дальше спрашивать не следует,— шофер в какой-то мере должен оставаться нейтральным. Но толчок дан, думай председатель!

Иной раз Добряков как бы невзначай уронит словцо-другое.

— Трактористы в Демидове ругаются...

— Это отчего же?

— Инженера нашего давно не видели.

Проверишь — и впрямь инженер забыл бригаду. Дашь нагоняй тому и спешную командировку...

Шофер иногда здорово выручает председателя. Начнешь, например, ругать тракториста за плохую пахоту, а тот тебе сто очков наперед выдаст: и плуг у него плохой, и трактором-то его обидели, все дружки новые получили, а оп на старом...

Пока мы препираемся с трактористом, Добряков мол-

ча похаживает вокруг трактора, осматривает плуг, к чему-то примеряется. Наконец, скажет:

— Прицеп-то у тебя, паря, того, в сторону тянет. Ну-ка, давай планку на две дырки передвинем.

Тракторист передвинет — пошел плуг как по маслу.

А в другой раз шофер отдаст руль председателю, сам останется на ферме или сушилке:

— Надо ребятам помочь.

И он проживет там день, два, а то и больше. Пока работу не закончат — домой не вернется. Механизаторы уже привыкли к Добрякову, обращаются к нему как к дежурному механику.

Вместе с председателем он вечно мыкается по дорогам, мотается в разъездах почти что целые сутки. Застрянет в ненастную погоду машина где-нибудь в грязной дыре — кто в большой беде? Шофер за рулем, а председатель чаще всего с лопатой у колес. Иногда поменяются ролями, но суть дела от этого не меняется. Оба грязные, оба уставшие, одинаково клянут и дожди и раскисшие дороги, забывая при этом, что дома их поджидают одинаково рассерженные жены. Почему рассерженные? Да потому, что это ведь маета — каждый раз ожидать распроклятого мужика, до полночи не спать и все поглядывать на окна: не брызнет ли свет фар, не заурчит ли за стеной машина? Быть женой председателя или женой шофера — это ведь тоже нелегкая должность.

Деловитость Добрякова всегда вызывает уважение, добрую зависть. Он ни минуты не просидит без дела: вечно что-то мастерит, ладит, прихорашивает. Дом у него добротный, опушен тесом, затейливо выкрашен. Юра сам изготовил и установил разные парадные столбики на крыльце, выпилил фигурные карнизы, пристроил веранду к дому. Рядом сад, в саду пчелы, тоже всем на диво. И что за пчелы такие — в любое лето вдосталь меду натааскают...

Однажды с ним беда приключилась. Убирал в ночную смену ячмень, решил что-то при свете фар подрегулировать у комбайна. Малая неосторожность и... рукавицей попал под ремень главного шкива. Но Добряков не растерялся, смекнул, как выкрутиться из беды. Надавил плечом на ремень, подтолкнул куртку свою в шкив: рассчитал заглушить тем самым мотор. И не ошибся.

— Почему же не крикнул помощнику, чтобы тот сбросил ручку газа?

— Все равно бы не успеть. Помощник когда-то подбежит. И еще вопрос — заглушит или прибавит с перепугу газу. Парень молодой, растеряться может.

Руку сильно покорежило, но до плеча шкив не добрался, хотя изрядно пожевал куртку. Думали, прощай теперь комбайнерство и шоферить больше не придется. Но за руль машины Добряков сел спустя несколько месяцев, а на следующий год с успехом управлял и комбайном. Рука хорошо слушалась. Только на ладони остались глубокие шрамы.

Добряков — человек внимательный, чуткий, отзывчивый на всякие хозяйственные заботы. Он быстро улавливал думы и планы председателя, прислушивался к спорам механиков, часто беседовал с инженером, агрономом, зоотехником, знал их дела, заботы, трудности. Однажды он предложил механизировать старые льняные сушилки. В колхозе их было три, они, казалось, уже отжили свой век и годились лишь на металлолом. Но Добряков стоял на своем:

— Можно ведь сделать. Надо только подумать хорошенько.

Как-то он попросил отпустить его с машины:

— На недельку только.

Пришлось отпустить. Дней через десять механики сами потащили меня на сушилку.

— Посмотрите, что Добряков выдумал.

Добряков проложил узкоколейку, изготовил автовесы, а по рельсам пустил тележку с опрокидывающимся кузовом — тоже собственного изготовления. Тележка снабжена электромотором и гидравлической установкой.

Теперь зерно не надо всякий раз затаривать. Специальный зернопогрузчик подает его в кузов, тележка движется к автовесам, а потом направляется к засекам и сама там разгружается. На току стало людей меньше, а работа пошла веселее. Агроном и бригадир первыми кинулись поздравлять своего «спасителя». Но Юра еще раз осмотрел свое изобретение, убедился в его надежности и молча отправился к председательской машине.

Повернув ключ зажигания, он тихо спросил:

— Куда поедем?

ПРОЩАЙ, «ЗАРЯ»!

У всякого дела есть конец. Пора и мне заканчивать свои записки. Всего, что было, все равно не упомнишь, не запишешь. Да и не успеть. Ведь скоро меня вызовут в райком, а потом в обком и скажут: пора собираться в другую дорогу.

Правда, я еще долго буду упираться, доказывать, просить: дайте, мол, еще годок-другой поработать в «Заре», а там как хотите...

Но знаю, что однажды придется выложить на стол колхозную печать и сказать Чистякову, заместителю:

— Бери, Михаил Иванович. Мне она больше не понадобится.

Боевой зам, конечно, не сразу поверит, постарается приободрить:

— Ничего! Может, и на этот раз отбрыкаешься.

Но я-то чувствую, что не отбрыкаться.

...До боли жаль расставаться с хозяйством, с людьми, вместе с которыми успел пуд соли съесть. Частица сердца останется в этом колхозе. Все, что сделано и не сделано, что построено и только задумано, все это прикипело, въелось, стало дорогим, близким.

И люди!.. Вон собрались все — друзья и недруги. Глядят на тебя, жалуют и вроде бы упрекают:

— Что же это ты, Михайлыч, а?

Дрогалов, сидя в зале, вдруг покрутил в воздухе кулаком, ударил ладонью по спинке стула и, не прося слова, полез на трибуну.

— Ты скажи, нам председатель, забирают тебя или сам уходишь?

Что я отвечу! Историю рассказывать — не поможет.

И чтобы как-то скрыть непрошеную слезу, незаметно проглотить подступивший комок к горлу, сильнее напускаю на себя сердитость. Говорю:

— Ну, чего нахмурились? Ведь недалеко уйду. Тут же, рядом буду.

В первом ряду вижу агронома Бухонина. Того са-

мого агронома, о котором когда-то частушки нелы. Теперь он будет председателем в «Заре». Понимаю, что надо поддержать его, дать напутствие, что ли...

— Думаю, что молодой председатель дальше пойдет, быстрее.

Но чувствую, что люди как-то не слушают, их эти слова не трогают вроде. Наверно, я говорил что-то не так.

* * *

...Пронеслись, отзвенели годы! И немалые. Эти записки писались не потом; они начали складываться давно, чуть ли не с первых лет работы в деревне. Хотя нет, первые годы выпали, о них лишь мельком упоминается в начале записок. Выпали, конечно, не случайно. Долго я стыдился тех лет. Тогда мы, неумелые председатели, не раз выкидывали коленца. Я, может быть, больше всех выкидывал.

Помню веселое напутствие москвичей.

— Не робей, Дима, чего там. Не боги горшки обжигают!

— Не боги,— хмуро соглашаюсь я.

Кто-то из членов бюро Московского обкома партии, видимо, заметил мою хмурость и спрашивает:

— Ты раньше-то бывал на селе? Знаешь хоть сколько-нибудь сельское хозяйство?

Откуда мне его знать? Из деревни отец забрал нас еще маленькими, а повзрослели — вся жизнь была связана с городом: школа, ремесленное училище, завод. Потом армия, работа в горкоме ВЛКСМ. А комсомол всегда учил не робеть. Вот я и не робею, отвечаю бойко члену бюро:

— Знать не знаю. Но в решении ЦК КПСС сказано, что нас обеспечат библиотечками. Пока доберусь до места, подзубрю немножко.

Ах, зелень несусветная! Подзубрить хотел за дорогу сельское хозяйство! А его всю жизнь изучай — ученью конца не будет...

«Зелень» давала знать о себе и после. Избрали меня председателем в самом захудалом колхозе. Тринадцать их было до меня, я стал четырнадцатым. Еще когда распределяли в райкоме, нечаянно услышал из-за приоткрывшейся двери:

— Посылают на село всяких мальчишек...

— Он тридцатитысячником,— отвечает спокойный голос сердитому.

— Ну тогда давайте в «Красное знамя» направим. Тринадцать там было, не беда, если и четырнадцатого заменим.

Я выбежал из райкома, спрятался в скверике и в кровь кусал губы. А потом почувствовал, что «Красное знамя» — мой «родной» колхоз. Почему-то он уже стал мне дорог.

На другой день, после избрания, еду с инструктором в Петриново, к секретарю райкома. Иван Васильевич Шестиперов (это ему принадлежал «спокойный» голос) по-отцовски встретил, тепло поздравил. А потом как бы невзначай спрашивает:

— Печать принял?

— Какую печать?!

«Зелень» пулей вылетела из кабинета и двадцать верст дозревала пехом. Аж земля под ногами горела. Ввалился в деревню: «Где старый председатель?» А тот в соседней деревне со своими приятелями прощается — бражничают. Мой «спидометр» еще накручивает пять километров. Наконец разыскал компанию, налетаю корпусом.

— Отдай печать!

Предшественник на меня колюче поглядывает из-за стола!

— Ничего не выйдет. Ставь полмитрия.— Он еще и юмор не позабыл.

Собутыльники хором поддакивают:

— Ставь! Ставь, московец.

Пришлось ставить. Но не раньше, чем сделав еще дополнительных три километра, потому что в той деревне лавки не оказалось.

Наконец хозяйство принял. Идем со старым председателем на скотный двор. Тот, не дойдя шагов десять, вдруг уперся:

— Не пойду.

— Почему?

Вскоре выяснилось «почему».

Во дворе плавают какие-то бревна, вдоль стен изломанные кормушки. Протопали вдвоем по колено в жиже.

— Густо.

Отдаю первое распоряжение: «Двор заколотить, коров не впускать!»

Старый косо поглядел на меня, дико фыркнул с похмелья и, махнув рукой, ушел куда-то. Побрел и я потихоньку из этой деревни. А ночью начали вдруг одолевать кошмары.

Снится: коровы разбрелись по лесной полянке, сиротливо жуют траву, а из лесу налетают волки, рвут одпу, другую...

Вскрикиваю. И... стремглав наматываю все те же «пять верст». Пока бежал лесной дорогой, кошмары стали казаться наяву. «Все,— думаю,— пропала моя голова. Нахозяйничал». И какова же была радость, когда выкатившись на полянку, увидел костер, старика с ружьем у костра и лежащих неподалеку сытых коров. Аж ноги подкосились от счастья.

До утра просидел с дедом, который рассказывал мне про всякие лесные были-небылицы, про старую свою охоту. Только к утру он задал вопрос по существу:

— Ну, как хозяйствовать будешь, московец? Долго я не прокараулю.

— Что-нибудь придумаем, дедушка,— пообещал я старику. Но придумывать новые скотные дворы пришлось долго.

* * *

... Для чего все это написано?

Вовсе не для того, чтобы напустить в записки деревенского колорита. Мне не раз доводилось видеть, как иной специалист со знаниями приходил в деревню, но, не найдя точки опоры, уходил, как говорится, не солоно хлебавши.

У меня была соленая наука. Если она кому-то и теперь сгодится, поможет найти точку опоры,— я буду счастлив. Для этого и написал свои записки.

Пача — Шексна. 1962—1970 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

С чего начать?	3
Программа такая	15
Штурм	21
Думать, председатель, надо...	23
Большие и малые заботы	28
Марк Иванович	31
Петрович	34
Колхозные артисты	38
Старики, старики...	41
Шофер Миша и Юрий Добряков	45
Прощай, «Заря»!	52

Дмитрий Михайлович Кузовлев

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Редактор Н. А. Арзуманова
Художник В. А. Савостьянов
Художественный редактор Н. Л. Юсфина
Технический редактор Л. М. Самсонова
Корректор Л. М. Логанова

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 4/III-71 г. Форм. бум. 84×108 $\frac{1}{32}$. Физ. печ. л. 1,75. Усл. печ. л. 2,94. Уч.-изд. л. 2,72. Изд. инд. ХД-271. А06054. Тираж 75 000 экз. Цена 9 коп. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия».
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ 2038.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В 1971 году в серии
«Письма из деревни»
выходят книги

М. Алексеев. Великий сеятель земли.
И. Винниченко. Это и есть жизнь.
В. Закруткин. В родном краю.
С. Залыгин. Красный клевер.
А. Кожин. Мастеровые земли.
В. Пальман. Ярославские встречи.
А. Первенцев. Три сестры.
В. Полторацкий. Поклон идущему
вперед.
В. Потанин. Слышит земля.
В. Росляков. В родных местах.
В. Ткаченко. Красивые люди.

Над книгами для серии «Письма из деревни» работают писатели А. Бахарев, В. Белов, Н. Быков, В. Дементьев, А. Емельянов, А. Калинин, Ю. Когин, С. Крутилин, В. Лихоносов, Б. Можаяев, С. Никитин, Е. Носов, В. Панов, Н. Почивалин, П. Проскурин, А. Проханов, В. Солоухин, А. Фесенко.

Покупайте книги в магазинах Книготорга
и потребительской кооперации